

Какая-то прохладная жидкость заструилась по телу, возвращая блуждающее сознание Данило в реальность. Веки казались тяжёлыми, будто к ним привязали по тысяче фунтовому валуну, и разлепить их стоило огромного труда. Но тут раздался мягкий голос Дайлин — он прозвучал словно бронебойная стрела, пробившая каменную преграду, и наконец позволил Данило открыть глаза.

Оглядевшись, Данило понял, что лежит в собственной спальне. В стене ярко полыхал камин, наполняя комнату теплом, воздух был густо пропитан запахом целебного отвара, а из-за двери доносился стук ножа о доску — судя по всему, Дайлин не пошла на работу и осталась дома, чтобы ухаживать за раненым сыном.

Данило приподнялся, и по всему телу тут же разлилась приятная, зудящая боль. Он не знал, сколько провалялся без памяти, помня лишь, как получил удар кулаком от рыцаря, рухнул на землю, а на теле осталась рваная рана.

При этой мысли Данило машинально коснулся груди в том месте, куда пришёлся удар, и с изумлением обнаружил, что от непрерывно кровоточившей раны не осталось и следа. Прежняя боль тоже испарилась бесследно. Он торопливо вскочил, подбежал к зеркалу, сбросил верхнюю одежду и, содрав наложенную на рану повязку, ошеломленно уставился на совершенно чистую кожу на груди — не осталось даже шрамов от швов.

Неужели пробудилась способность к регенерации?

В груди Данило бушевало смешанное чувство любопытства и восторга: неужели его золотой палец проявился именно так?

Усевшись на постели, Данило попытался сосредоточиться и прислушаться к внутренним изменениям. Какая-то дикая, необузданная энергия, словно притаившийся дракон, которого насильно удерживали на цепи, свирепо и грозно затаилась в глубине его тела. Раньше Данило уже ощущал эту мощь, но никогда прежде она не была столь сокрушительной. Прежде она дремала, а теперь словно готовилась к пробуждению, стискивая его горло тисками и мешая нормально дышать.

У других обладателей золотых пальцев системы только и делают, что выдают задания да сыплют наградами, а вот у него почему-то решили сперва помучить тело.

Словно услышав какое-то движение в комнате, пока Данило пребывал в растерянности, в дверь вошла Дайлин, держа в руках миску.

— Локи, ты проснулся! Слава небесам!

Увидев, что Данило сидит на кровати и к нему вернулся прежний бодрый вид, Дайлин всплеснула руками от радости, и с её плеч словно свалился огромный груз.

Она торопливо поставила деревянную миску на столик у изголовья и крепко обняла Данило — она ведь чуть было не потеряла своего драгоценного сына.

Дайлин приближалась к сорокалетнему возрасту, но её кожа по-прежнему оставалась гладкой и свежей, как у юной девушки. Время почти не оставило на ней следов, лишь густые пряди рыжевато-оранжевых волос покрылись сединой больше чем наполовину.

Глядя на уставшее лицо Дайлин, Данило почувствовал в груди необъяснимый укол жалости. Пусть они не были кровными родственниками, но они бок о бок прожили под одной крышей целых двадцать лет, и все эти двадцать лет он звали её мамой. К тому же Дайлин оставалась его единственной опорой в этом новом мире после перерождения, и чувства к ней были далеко не поверхностными.

Отстранившись от объятий, Дайлин взяла Данило за плечи, внимательно осмотрела его с ног до головы, и её взгляд наконец замер на том самом месте, где зияла рана.

— Твоя рана... куда она пропала?

Увидев безупречно чистую кожу на его торце, Дайлин в изумлении прикрыла рот ладонью и растерянно посмотрела на сына.

— Я сам толком не понимаю, что произошло, — Данило неопределённо взмахнул рукой. Он ещё не был до конца уверен, дело ли тут в золотом пальце, да и объяснять матери всё равно было нечего, поэтому он просто развёл руками, сейчас его собственное любопытство превосходило изумление Дайлин. — Мам, сколько я был без сознания?

Дайлин не спешила с ответом. Протянув руку, она осторожно коснулась кожи на груди Данило, где раньше была рана, и, убедившись, что та действительно абсолютно гладкая и здоровая, недоверчиво свела брови:

— Ты проспал целых два дня. В тот день, когда тебя ранили, Рони принёс тебя домой. О мой бедный малыш, на тебе не было лица! Лекарь сделал всё возможное и сказал, что дальше всё зависит только от того, сможешь ли ты прийти в себя. Я просидела у твоей постели двое суток, и если бы ты не дышал, я бы со страху сошла с ума от мысли, что потеряла тебя.

Всё это время Дайлин смачивала ему губы водой и давала лекарства, не решаясь трогать остальное тело из страха сделать только хуже, поэтому саму рану она даже не осматривала.

Данило успокоил мать ласковыми словами, а затем под её строгим надзором с отвращением выпил горький до ужаса целебный отвар.

В этом мире было лишь две вещи, которые Данило ненавидел больше всего: первая — это сваренные из всевозможных трав горькие отвары, а вторая — овощ под названием «красный

плод», который на вкус кислее томата, а на вид жёлтее его же.

Помидоры не стали бы есть даже собаки.

Успокоив Дайлин и уложив её отдохнуть, Данило оделся и собрался на выход. Он чувствовал себя абсолютно здоровым и хотел доказать это матери, чтобы она перестала тревожиться. И хотя Дайлин всё ещё переживала из-за его недавнего недуга, противостоять горячему желанию сына прогуляться она не смогла.

— Метос и Анджела заходили проведать тебя, но я всех выпроводила. Если будет время, наведайся к ним сегодня, — окликнула его Дайлин перед самым уходом.

Первым делом Данило направился в кузницу. Он пролежал без памяти два дня, и мастерская броня, несомненно, уже была готова — самое время забрать её заодно расспросить о странных изменениях, произошедших с его телом.

Солнце на западе уже начало прятаться за вершины далёких гор. На шумной торговой улице в центре Нижнего района города Лос яблоку негде было упасть: разномастные лавки жались друг к другу, а оживлённая толпа бурлила энергией. Люди казались абсолютно невосприимчивыми к окружающей обстановке, хотя грязь и зловоние уже давно въелись в самую их жизнь.

Добравшись до кузницы, Данило застал трудолюбивого Метоса за наковальней. Заметив идущего к нему целым и невредимым парня, кузнец тут же бросил работу и, покачивая массивным туловищем, заспешил навстречу.

— Ах ты сорванец, я слыхал, тебя едва насмерть не зарубили, а ты уже через два дня бегаешь!

Метос с беспокойством окинул Данило взглядом с ног до головы — этот парнишка вечно не давал никому покоя.

— Всё в порядке, господин Метос, я уже полностью восстановился! — с гордостью в голосе заявил Данило и устремил на кузнеца полный ожидания взгляд.

Метос скептически приподнял бровь: ему явно не верилось, что человек, получивший столь тяжёлые увечья, способен подняться на ноги спустя всего два дня. Тем не менее, он пошёл навстречу горящему нетерпением пареньку и качнул подбородком в сторону оружейного стола.

— Твоё оружие давно готово, знал же я, что у тебя шило в одном месте!

Данило улыбнулся и быстрым шагом подошёл к столу. На столешнице лежала чёрная ткань, длиной примерно с его привычный тренировочный деревянный меч — с первого взгляда было

ясно, что Метос подошёл к делу со всей душой. Охваченный волнением, Данило сдёрнул полотно, и перед его глазами во всей красе предстал длинный стальной меч.

Взяв в руки искусно откованный клинок, Данило принялся рассматривать его, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. Поверхность стали сияла чистотой зеркала, отражая лицо юноши холодным, зловещим блеском, а режущая кромка казалась усыпанной точками ледящего света, который словно непрерывно перетекал по лезвию, усиливая ощущение смертоносной острове. Рукоять украшал рельефный золотой дракон — каждая чешуйка и свирепая оскаленная морсть зверя красноречиво свидетельствовали о том, сколь кропотливо и серьезно Метос подошел к работе.

Под чёрной тканью, помимо меча, обнаружился ещё и скрытый кинжал. Его работа тоже отличалась изяществом, хотя рядом с великолепным мечом он несколько мерк.

У Данило пропал дар речи. Во взгляде, устремленном на Метоса, читалась безграничная благодарность.

— Можешь избавить меня от лишних любезностей, я лишь выполняю то, что обещал, — опередил его слова Метос, словно заранее угадав всё, что тот собирался сказать.

— Можешь дать ему имя. Ручаюсь, этот стальной меч пройдёт с тобой рука об руку через всю жизнь.

Данило кивнул, крепко зажав рукоять обеими руками, и сделал в воздухе пару взмахов. Тихий рассекающий свист раздался мгновенно, а завихрения воздуха долетели до самого Метоса, взъерошив его густые бакенбарды.

— Назову его Драконьим клинком! Будь у меня этот меч на арене, титул чемпиона достался бы мне давным-давно.

Метос громко рассмеялся, скрестив руки на груди:

— И как же это ты, паршивец, спустя всего два дня уже на ногах? Я-то слышал, тебя чуть надвое не разрубили! Как услышал, так и перепугался: если б тебя рассекли пополам, на кой чёрт тебе понадобилось моё оружие, на двоих бы его не поделил, ха-ха-ха...

Шутка гнома заставила Данило присоединиться к смеху. И правда, в компании любящего выпить гнома-кузнеца никогда не было чопорности и скованности — именно за это Данило так любил это место.

— На самом деле, господин Метос, я зашел спросить кое о чём. Меня беспокоит странное дело с моей раной.

Улыбка исчезла с лица Данило, и он решительно сбросил рубашку, желая узнать, не ведомо ли кузнецу что-то об этом.

Снаружи всё выглядело абсолютно нормально, и тогда Метос расспросил парня о внутренних ощущениях. Данило честно рассказал обо всём, что чувствовал, и это повергло старого гнома в тупик:

— Если только сами боги не протянули тебе руку помощи, ума не приложу, как такое возможно. Пожалуй, тебе стоит сходить в Храм Мудрости и показаться храмовым жрецам.

Вслух Данило пообещал прислушаться к совету, но в мыслях этот вариант был отмечен сразу же.

Данило был убеждённым атеистом, да и даже в этом ином мире ему ещё не доводилось видеть божеств, спешащих смертным на помощь. Визит в Храм Мудрости не сулил ничего, кроме пустой траты золота, да ещё и заставил бы выслушивать бесконечные заунывные речи клириков, что для него было куда мучительнее, чем сидеть за наковальней.

<http://bllate.org/book/21075/2141605>